

С.Г. ВОРКАЧЕВ
(Краснодар)

ЛИНГВОИДЕОЛОГЕМА «РОДИНА» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Исследуется вербализация представлений о родине и любви к ней в научном дискурсе. Устанавливается разделение «большой родины» на родину гражданскую, отождествляемую с государством, и родину этническую, отождествляемую с народом и его культурой.

Ключевые слова: идеологема, патриотизм, родина, гражданская родина, этническая родина.

Родина и народ – базовые составляющие идеи патриотизма, и обе в той или иной степени отмечены идеологичностью как способностью менять свой аксиологический знак на противоположный (плюс на минус и наоборот) при смене апеллирующего к ним субъекта-носителя идеологии. Ядро семантической области идеи патриотизма образует понятие родины – социальной, политической, семиотической и культурной среды обитания народа, совпадающее в своих основных предметных признаках с понятием нации [8; 9]. В связи с этим очевидно, что в настоящее время ее теоретическое осмысление осуществляется не только в трудах по психологии и этике и, но и в работах по национализмоведению и исторической этнологии [1; 5; 13; 14; 15; 16; 20; 26].

Теоретически границы личного пространства могут раздвигаться от своего угла до Вселенной, однако практически на нашей планете, где ничьей земли не существует уже несколько десятков тысячелетий, границы родины и чужбины устанавливаются человеком, исходя из собственной адаптивности и восприятия чужого. Очевидно, именно по этому «апории» национализма и космополитизма, имевшие хождение еще в Античности (*Fumus patriae igne alieno melior est* – Дым отечества ярче огня чужбины; *Ubi bene, ibi patria* – Где хорошо, там и Родина) и сформулированные В.С. Соловьевым, по сей день остаются неразрешимыми: «Мы должны любить свой народ и служить его благу всеми средствами, а к прочим народам имеем право быть равнодушными; в случае же столкновения их национальных интересов с нашими мы обязаны относиться к этим чужим народам враждебно» и «Народность есть только натуральный факт, не имеющий никакого нравственного значения; у нас нет обязанностей к народу как таковому (ни к своему, ни к чужим), и только к отдельным людям без всякого различия народностей» [23, с. 358].

«Каждый кулик свое болото хвалит», – говорит русская пословица. Действительно, нет, наверное, ни одного народа, который не гордился бы своей страной, и русские здесь не составляют исключения. В то же время при всей своей привязанности к родной земле русскому человеку не сидится на месте и «в какую дыру не занесет тебя рок, повсюду встретишь еврея, цыгана и русака» [18, с. 11]. Даже в карликовом государстве Сан-Марино на сувенирных лавках красуются вывески на русском языке и русские продавцы торгуют за рубли. Считается, тем не менее, что «как русский любит родину» (А.А. Дельвиг), ее не любит никто, и «у редкого народа так развито чувство родины, как у нас» [Там же], откуда знаменитый русский патриотизм, не имеющий аналогов в Западной Европе [6, с. 403].

Определения понятия «родина» преимущественно апофатичны: это то, что остается от страны за вычетом географии, демографии и политического устройства. По утверждению А.С. Хомякова, «отечество находится не в географии. Это не та земля, на которой мы живем и родились и которая в ландкартах обводится зеленой или желтой краской. Отечество также не условная вещь. Это не та земля, к которой я приписан, даже не та, которую я пользуюсь и которая давала мне с детства такие-то или такие-то права и такие-то или такие-то привилегии» [27, с. 116]. Бытие родины, как и бытие нации, очевидно, не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом [2, с. 552].

В сочетаниях «любовь к родине» и «любить родину» первый компонент в определенном смысле избыточен, опустошен, поскольку любовь уже «встроена» в прагматическую часть семантики понятия

«родина»: иметь родину значит любить ее [12, с. 272]. Если патриотизм как нравственный принцип – это признанная категория этики, то родина в качестве этического термина в специальных словарях не фигурирует, хотя обыденным сознанием она воспринимается как безусловная этическая сущность [25, с. 484].

Родина как объект любви по своим предметным признакам (язык, территория, экономика, психология и культура) совпадает с нацией, однако этими признаками, естественно, она не исчерпывается, представляя собой по преимуществу инстинктивную прилепленность к родному [12, с. 263]. В неформальных, метафоризованных определениях понятия «родина» упор делается главным образом либо на ее пространственную составляющую («сочетание ландшафтов» [11, с. 249]; «очаг культуры и этнической жизни» [16, с. 314]), либо на демографическую («любимое сообщество» [19, с. 3]; «великое духовное “Мы”» [12, с. 283]). В современных философских исследованиях патриотизма в определении понятия «отечество» сливаются экологическая и социальная составляющие: отечество представляет собой единство социального и природного факторов [14, с. 11]. В качестве рабочего определения понятия «родина», опять же неформального, мы принимаем следующее: родина – это предел расширения персональной сферы человека, включающей все, что он считает своим, имеющим то или иное отношение к его личности.

Что касается сущности Родины – ее онтологического статуса, то в русской культуре исторически, традиционно, представления о нем носят преимущественно «примордиалистский» характер: предполагается, что родина как духовная реальность существует, пока существует народ, независимо от отдельного человека. Она представляет собой безусловную ценность – некое духовное сокровище, материализуемое в родном пространстве и в способах его обустройства, в том числе и символических (язык и культура). Родина постигается интуитивно, сердцем, способность любить ее, как и способность любить вообще, – особый дар, которым обладает не каждый. Нельзя заставить человека любить какую-нибудь страну [12, с. 267–274]. Однако в то же время считается, что любовь к ней возможно «привить» манипулятивно: целенаправленно взрастить с помощью национального воспитания через язык, историю, культуру, религию и даже службу в армии [Там же, с. 291]. Первым же на Руси «наивным инструменталистом», как ни парадоксально, оказался А.С. Шишков, идеолог этатизма, приравнявший малую родину («колыбель, в которой мы взлелеяны, гнездо, в котором согреты и воспитаны») – петровскому Отечеству как имени российского государства – гражданской родины [28, с. 5]. Представляется, однако, что соотношение примордиальных и инструментальных признаков в характеристике родины такое же, как и в собственно этничности: родина – это устойчивая единица коллективного сознания и коллективного бессознательного, четкость восприятия которой и интенсивность переживания поддается целенаправленному манипулятивному регулированию [20, с. 20].

Для И.А. Ильина патриотизм есть любовь, родина воспринимается, переживается и приобретает только любовью, а для того, кто её не любит, она просто не существует [12, с. 261–263]. Любовь к родине «пристрастна», и, как всякая страсть, она сопровождается дополнительными эмоциями, связанными с включением предмета любви в центр своей аксиологической области и в свою личную сферу: своей страной гордятся (гордость удачи достижения и обладания), ее стыдятся (национальный позор), переживают ее успехи и неудачи, как свои собственные [12, с. 268; 28, с. 25].

Как установлено, в любви сопряжены два вида желания: желание обладания объектом и желание блага этому объекту, которые и определяют существование двух основных видов этой эмоциональной привязанности – собственнической любви и любви каритативной, любви-жалости [7, с. 41, 134]. Каритативный блок русского патриотизма включает в себя, помимо благожелания и заботы о благополучии своей страны, безграничную готовность прощать и сострадание: свою родину мы любим, «как в семьях любят больных детей», и пока любим, готовы ей все прощать, и «дураков, и дороги» [18, с. 17]. Мы ее любим не «за», а, скорее, «вопреки». Действительно, русский

человек из патриотов патриот, потому что он сердечно привязан к такой земле, где почти невозможно жить [Там же, с. 421].

Российский патриотизм – продукт исторической эволюции, вызванный необходимостью (в том числе и на бессознательном уровне) сохранять огромную территорию, приобретенную предками сегодняшних россиян по весьма своеобразной модели. И если у обитателей этих бескрайних земель не будет безусловной любви к родине, не станет и самой родины, русский этнос растворится в других этносах и российское государство исчезнет. Отсюда, очевидно, и сращенность русского человека со своей отчизной вплоть до «химическое единства» (Ф.М. Достоевский) и ощущение того, что «ни в какой земле мы не можем найти созвучия своему физическому состоянию и настрою души» [18, с. 212]. Отсюда и убежденность в том, что человек должен любить свою землю, любить во всех противоречиях, с ее грехами и недостатками [2, с. 295]. Отсюда нетерпимое отношение к изменникам и «отщепенцам от своего народа и своей почвы» (А.С. Гончаров) и физическая невозможность жить без Родины. Отсюда и амбивалентность: сопровождающая любовь «ненависть к отчизне» (А.А. Блок) как следствие крайней от нее зависимости.

В современном российском «обыденном» сознании, по нашему мнению, существует не два, как в лексикографии [3, с. 1125; 17, с. 628; 21, с. 723; 22, с. 1377; 24, с. 1369], а три толкования понятия «родина»: 1) родина как «малая родина» – родная сторона, место рождения; а родина как «большая родина» – родная страна разделилась на то, что можно назвать, пользуясь терминологией национализмоведа и этнопсихологии (о нациях гражданских и этнических) на такие понятия, как 2) родина гражданская и 3) родина этническая [15, с. 23].

Представления о гражданской родине ориентированы преимущественно на территориальный и административный признаки, эта родина практически полностью отождествляется с государством. Гражданская родина, как и нация, это в первую очередь специфический объект лояльности, причем лояльности взаимной, предполагающей обоюдное соблюдение определенных обязательств («Что вы нас призываете любить Россию? Пусть сначала она нас полюбит!» – АиФ 2007, № 36) [15, с. 33].

Представления об этнической родине как о географическом пространстве, в котором народ возник, в котором прошла его ранняя история, ориентированы преимущественно на культурно-языковые признаки, для русского традиционно родина там, где живут русские [4, с. 91; 13, с. 272]. Этническая родина в первую очередь объект любви, которая, как известно, отнюдь не обязательно бывает взаимной.

Родина гражданская и родина этническая совпадают лишь в критические моменты национальной истории, когда под угрозой находится само биологическое существование народа: «Когда немцы на нас напали, оно (государство – С.В.) стало Родиной – ты защищал то место, где живешь, тех друзей, с которым рядом находишься» (АиФ 2007, № 16). Этническая родина отличается от гражданской своей большей устойчивостью и более глубокой укорененностью в общественном сознании: не прошло и двух десятков лет, а от Советского Союза осталась лишь смутная ностальгия да надписи на майках и призыв на лестнице Мамаева кургана «За нашу советскую Родину – СССР», а «русскость» по большому счету никуда не делась.

Таким образом, наблюдения над вербализацией представлений о родине и любви к ней в русской этической мысли показывают, что эти представления в своей предметной части практически совпадают с семантическими признаками нации/этноса, отличаясь от последних встроенностью эмоциональной привязанности. Любовь, отделяющая родину от просто страны, пристрастна и в ней гипертрофирован «карикативный момент»: готовность все прощать в соответствии с платоновским абсолютным принятием. В аморфность и раздвоенность российского морального сознания вполне вписывается наметившееся разделение «большой родины» на родину гражданскую, отождествляемую с государством, и родину этническую, отождествляемую с народом и его культурой.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2001.
2. Бердяев Н.А. Судьба России: сочинения. М.-Харьков: ЭКСМО-ФОЛИО, 2004.
3. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998.
4. Буровский А.М. Крах империи: курс неизвестной истории. М. : АСТ, 2004.
5. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002.
6. Владимирова В.В. Смысл русской жизни. М. : Алгоритм, Эксмо, 2006.
7. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2007.
8. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Волгоград : Парадигма, 2008.
9. Воркачев С.Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М. : ИНФРА-М, 2013.
10. Геллнер Э. Пришествие национализма: мифы нации и класса // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002.
11. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М. : ЭКСМО, 2007.
12. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. М. : ЭКСМО, 2007.
13. Лурье С.В. Историческая этнология. М. : Аспект Пресс, 1997.
14. Макаров В.В. Патриотизм как философская проблема: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. М., 1990.
15. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М. : КДУ, 2005.
16. Мнацаканян М.О. Нации и национализм: социология и психология национальной жизни. М. : Юнити, 2004.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Госиздат иностр. и нац. словарей, 1953.
18. Пьецух В. Низкий жанр. М.: ЗебраЕ, 2006.
19. Сандомирская И.И. Книга о родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien : Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 50, 2001.
20. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 1999.
21. Словарь русского языка: в 4-х т. М. : Русский язык, 1981.
22. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М-Л. : АН СССР, 1951–1965.
23. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1990.
24. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. М. : Астрель-АСТ, 2000.
25. Философский энциклопедический словарь. М. : Совет. энциклопедия, 1983.
26. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002.
27. Хомяков А.С. Избранные сочинения. Нью-Йорк : Издательство им. Чехова, 1955.
28. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. СПб. : Медицинская типография, 1812.

Linguoideological unit “Motherland” in the scientific discourse

There is considered the verbalization of the notions of motherland and the love to it in the scientific discourse and shown that in its subject part it almost coincides with the semantic features of nation/ethnos. There is stated the division of the “great motherland” into civil motherland identified with the state, and ethnic motherland identified with the nation and its culture.

Key words: *ideological unit, patriotism, motherland, civil motherland, ethnic motherland.*